

О человечности метафизики

Д. М. Федяев, Н. Д. Федяева

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Утверждается, что метафизика имеет богатое антропологическое содержание. Об этом свидетельствует наличие идей метафизического характера в художественной литературе. Как правило, они не высказываются явно, а присутствуют в снятом виде в сюжетах и облике героев. Они во многом определяют читательское впечатление от произведений. Не исключено, что воздействие метафизических идей носит архетипический характер. Выделены некоторые типы философичности, представленные в художественной литературе.

Ключевые слова: человек, мир, метафизика, художественная литература, читатель, удивление, архетип, содержание и форма.

Согласно мнению, достаточно широко распространенному в философском сообществе, метафизика пребывает в некотором отдалении от человеческих проблем, отдавая предпочтение всеобщему. Едва ли стоит с ним безусловно соглашаться. Для начала очертим исходную позицию. Мы принимаем традиционное определение метафизики как учения о сверхчувственном, а одной из высших ее форм считаем диалектику в гегелевском изложении. В философской литературе представлено множество трактовок метафизики и диалектики, в том числе и выбранная нами.

Если метафизика повествует о мире в целом, то ее содержание распространяется и на человека в той степени, в какой ему присущи характеристики мира в целом. Это немало. Еще более существен тот факт, что философия широко пользуется аналогиями. В донаучный период истории человечества аналогии были едва ли не единственным материалом для создания философских конструкций. Наука, сопровождаемая к тому же высокопроизводительным машинным производством, скачкообразно расширила объем знаний, их содержание и форму и продолжает это делать сегодня. Непременным спутником научного прогресса оказалась специализация, в силу которой наш познавательный багаж по-прежнему остается не слишком перегруженным познаниями, выходящими за пределы специальной области.

Сегодня, как и в древности, предпочтительным источником аналогий является, во-первых, то, что ближе, во-вторых, что болит сильнее, а именно Я — центр вселенной. Человеческое содержание представлено в структурах метафизики весьма разнообразно: обстоятельства жизни, душевные движения, коллизии и метаморфозы объединений людей, формы инобытия человечности — вещи и

идеи. Приведем, к примеру, некоторые источники аналогий, которыми подкреплялась идея противоречия в ходе ее развития от Гераклита до Маркса: мнения, внутри- и внеполитические отношения, жизнь и смерть, лук и лира, единый логос и множественность воплощающих его процессов, Бог и Сатана, Бог и человек, единое и троичное, машинное и человеческое, рефлексия, структуры языка, дифференциальное исчисление, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка, классовая борьба и др.

В гегелевской «Логике», одном из наиболее трудных для восприятия и высоко абстрактных философских произведений мы без особого труда обнаружим элементы антропоморфизма, например, наделение *беспокойством* бытия, заключенного в границы, независимо от его формы. Мы встретим там персонажей, живо напоминающих литературных героев, например, неспособных мыслить, опустившихся практиков, поэтов и политиков, не создающих ничего разумного или дельного, политиков пивных, старика и юношу, рассуждающих о религии [2]. Трудно сказать, что именно в метафизике преобладает: перенос суждений о внешнем мире на человека или же обратное движение.

Согласно В. А. Лекторскому, «философия — это осмысление Предельных вопросов человеческого бытия в мире. Но, как известно, смыслы жизни и познания могут задаваться и другими способами... Жизненные смыслы может предлагать литература» [5, с. 56]. Наличие антропологического содержания в метафизике делает вполне естественным ее литературное бытие, наличие метафизических по своей природе идей в литературно-художественных произведениях. Правда, не во всех. В массиве художественной литературы

есть группа произведений, высокий статус которых является общепризнанным. Мы без труда обнаружим их в любом рейтинге лучших книг, которые сегодня широко представлены в Интернете. При внимательном их осмыслении мы обнаружим метафизическое содержание. Но его обнаружение обычно является исследовательской задачей, а не задачей «обычного» читателя, для которого, собственно, и пишутся литературные произведения.

Изучение метафизического содержания литературных произведений требует применения диалектического метода в аспекте представленности одного в другом, или же в форме снятия одного другим. Материалами являются: а) метафизические идеи в их традиционной философской форме; б) содержание широко известных литературных произведений, в) литературоведческие и критические источники. Результатом (по крайней мере, желаемым) может оказаться изменение традиционного воззрения на метафизику как на сухое и холодное учение «обо всем», интересное только исключительно узкому кругу профессионалов.

Наш герой — обычный, но не слишком «темный», *настоящий* читатель, как правило, не является специалистом в области литературы. Он не ставит перед собой познавательной цели, не стремится «расширить свой кругозор», он читает просто для удовольствия, которое, тем не менее, воспринимается как нечто необходимое. В своих оценках *настоящий* читатель достаточно независим. Он прислушивается к мнению критики, но склонен давать прочитанным книгам собственные оценки, не слишком стесняясь оперировать такими понятиями, как «хуже — лучше», совершенно неуместными в профессиональном исследовании.

Он имеет представление о литературе разных исторических периодов, но выбирает несомненно «читаемое», «интересное», а потому его знания в области истории литературы всегда уступают знаниям исследователя-профессионала. Его «мысли по поводу» прочитанного менее глубоки, чем мысли профессионала, но чувства более свежи и непосредственны. Читательские впечатления, суждения и оценки в неявной форме присутствуют в литературоведческих исследованиях.

Во-первых, внимание исследователей-профессионалов обращается прежде всего к тем произведениям, которые производят наиболее сильное впечатление на читательскую аудиторию. Во-вторых, читательские впечатления так или иначе учитываются, на них ссылаются — хотя бы изредка. В-третьих, исследователь сам является читателем, переживающим произведение, а не только анализирующим его. При некотором (не чрезмерном) усилии вполне возможно отделить читателя,

живущего в исследователе, от собственно исследователя. К примеру, согласно М. Бахтину, «всякий *настоящий* читатель Достоевского, который воспринимает его романы не на монологический лад, а умеет подняться до новой авторской позиции Достоевского, чувствует... особое *активное расширение* своего сознания, но не только в смысле освоения новых объектов (человеческих типов, характеров, природных и общественных явлений), а прежде всего в смысле особого, никогда ранее не испытанного диалогического общения с полноправными чужими сознаниями и активного диалогического проникновения в незавершенные глубины человека» [1, с. 117].

Объяснения, которые дает М. Бахтин, в принципе можно оспорить. «Незавершенные глубины человека» — это звучит неясно и как-то уж слишком красиво. Диалогическое общение? Но почему же оно никогда ранее не испытано? Разве не диалогически мы общаемся с героями других писателей? Пусть эти другие писатели, как считает Бахтин, в большинстве своем монологичны, но тогда, читая разных писателей, мы тем не менее вступаем в диалог с ними, а в нашем сознании они вступают в диалог друг с другом. Но само впечатление расширения сознания есть именно то, что пережил читатель Бахтин при чтении писателя Достоевского. Апелляция ко *всякому* настоящему читателю здесь едва ли уместна, автор «Проблем поэтики» высказал собственное впечатление. Но если нам удастся обнаружить ряд сходных по смыслу высказываний у других исследователей творчества Достоевского, чувство расширения сознания можно будет действительно признать фактом его восприятия читательской аудиторией.

О метафизическом содержании литературы пишут относительно редко, чаще применяется более широкое понятие «философский». Этому эпитету применительно к литературе как-то «не повезло». Философскими чаще всего называют произведения, относящиеся к тому единственному жанру, который Пушкин считал *нехорошим*, то есть скучные. Привлекательного сюжета нет, герои тоже какие-то неубедительные, зато есть масса глубокомысленных рассуждений от лица самого автора — значит, это сочинение философское... Тем не менее возможны исключения. В потоке литературы встречаются произведения, философичность которых органично сочетается с другими достоинствами и, более того, играет самую существенную роль в формировании читательского впечатления. Попытаемся выделить некоторые наиболее характерные типы философичности литературных текстов, не претендуя на полноту и завершенность.

Исходный, «базисный» тип можно назвать *пред*философичностью. Здесь еще нет собственно философии, но текст пробуждает в читателе специфически философское умонастроение, философскую эмоцию. Представим, что мы начали читать. Иногда неявно, непрямо, но достаточно определено в нашем восприятии присутствует мысль: я бы тоже смог так написать. Вполне понятно, что честный с самим собой читатель не придает этим мыслям слишком буквального значения, но самое чувство обычности, сопровождающее чтение, свидетельствует о том, что «класс» читаемого более или менее соответствует «классу» читателя. Но случается, что фраза эмоционально останавливает нас как неожиданный толчок и заставляет безусловно признать: *так* я не могу. Правда, поймет это тоже не каждый. Совсем уж неподготовленный читатель не поймет. Реакцию читателя гениального (все в принципе возможно, в том числе и гениальность) не стоит даже пытаться предсказывать, но тот самый *просто* читатель, о котором здесь идет речь, поймет сразу.

Иногда необычность заключена в том, что сказано, то есть в нетривиальности мысли. С ней можно спорить, но нельзя не обратить на нее внимания. Иногда же останавливает нетривиальная форма: как сказано. «Буря мглою небо кроет», — здесь не стоит искать чрезмерной мыслительной глубины, но, чтобы так сказать, нужно быть Пушкиным. Наконец, случается, что необычная фраза так и остается загадкой: что в ней такого? «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было». Станным образом в ней ощущается какая-то отстраненность, как будто некий объективный процесс смел Грушницкого с площадки, а не сам Печорин выстрелил в него с шести шагов. В ней звучит и совсем уж необоснованное удивление: куда делся этот несносный Грушницкий? Как все это обеспечивается такой простой строчкой, поистине нелегко понять.

Удивление — вот чувство, которое вызывают подобные фразы. Его нельзя назвать слишком обычным. Х. Ортега-и-Гассет в своей известной работе «Восстание масс» заявил, что способность удивляться не дана футболисту [4, с. 5]. Трудно сказать, почему примером человека массы был избран именно футболист: может быть потому, что футболисту во время игры нужно мгновенно реагировать на быстрые изменения ситуации, а следовательно, удивляться некогда. Не исключено и то, что футболист просто попался под горячую руку, поскольку из работы ясно, что способность удивления присуща человеку с развитым интеллектом, богатым духовным миром, тогда как любой человек массы склонен к прямому действию

без чрезмерных размышлений и переживаний. Наверное, дело не только в том, что склонность к удивлению — особенность лишь некоторых. Редкость удивления определяется и временем. В индустриальную эпоху его «гасила» вера в прогресс и постоянное ожидание от него все новых и новых чудес. В современной мировой и российской общественной жизни происходит столько совершенно абсурдных событий, что способность русского человека удивляться чему-либо почти атрофирована. В результате оказывается, что чтение художественной литературы — один из немногих путей, которые открывают возможность выхода из обыденности. Его специфической особенностью является то, что он идет от самой жизни, открывая необычное именно в ней, а не в каких-то особых сферах, доступных только специалистам и знатокам. В принципе каждый может открыть, к примеру, том Спинозы и убедиться, что на свете существует нетривиальное мышление. Но его восприятие требует особой подготовки, да и подготовленному читателю оно дает особый сорт наслаждения — наслаждение работой.

Начиная читать художественное произведение, мы легко, без особых усилий «вплываем» в чью-то повседневную жизнь. Его идея нам пока неясна, она нередко осознается после события. И вдруг мы доходим до необычной фразы, скажем, с призывом ничего не просить, особенно у тех, кто сильнее нас. Важно то, что она, как правило, кратка и афористична, связана со всем предыдущим и последующим содержанием, органично встроена в обыденное бытие, выражена обыденным же языком, а не какой-то специальной терминологией. На ее фоне все остальное воспринимается иначе, представляется осмысленным, хотя бы мы еще и не задумались над общим смыслом.

Удивление считается исходной, изначальной философской эмоцией. Оно может не перерасти в философствование, но без него как предварительного условия философия невозможна. Философия нуждается в том, чтобы человек на какое-то время приостановился, эмоционально вышел из сферы обычных «дел», сменяющих друг друга, взглянул на мир и себя самого так, как будто ни разу до этого не смотрел на мир и не думал о себе. Встречая при чтении необычное, мы на какое-то время выходим из привычного потока восприятия, останавливаемся, а затем, продолжая чтение, возвращаемся, снова входим в него, в чью-то обыденность — до следующей остановки. Необычное может заставить нас задуматься над прочитанным, над собственной жизнью, но далеко не всегда и необязательно. Тем не менее

оно заставляет чувствовать течение жизни (литературной и своей собственной) как-то иначе. Если же мы не задумались, но, по крайней мере, заметили необычное, мы все же вышли на мгновение за пределы опыта, в данном случае — за пределы обыденного мышления и обыденного, скользящего по поверхности взгляда на жизнь. Литература дает читателю такую возможность, требуя от него только того, чтобы он был способен заметить необычное и удивиться ему. В этом одна из составляющих читательского таланта, который, как и талант писательский, природа не всегда распределяет равномерно. Удивление дает возможность воспринимать другие формы философичности.

В качестве *первой* формы собственно философичности выступает форма прямая и открытая: в литературном тексте обнаруживаются точно сформулированные мысли, которые были бы столь же уместны в философском трактате. Ярким примером тому может служить первая часть гетевского «Фауста».

В пределах *второй* формы философичность скрыта в сюжете и физиономиях героев, как, например, во второй части того же произведения. Скрытая, «снятая» философичность является излюбленным предметом исследования литературоведов-профессионалов, которые нередко оказываются способными обнаружить и проследить едва слышные отзвуки философских идей в литературном тексте. Что же касается обычного читателя, который вовсе не обязан быть тонким знатоком философии, который к тому же рассматривает чтение как отдых, а не как научное исследование, то он, как правило, просто не замечает большинства философских идей произведения, что никак не умаляет его достоинств.

Тем не менее иной раз случается, что он *чувствует* философскую идею, более того, ощущение ее силы самым существенным образом определяет впечатление от прочитанного. Здесь мы входим в границы *третьего* типа философичности, который в принципе совпадает со вторым (идея снята в сюжете), но самое качество философской идеи является совершенно особым.

Для того чтобы философичность действительно чувствовалась, идея, представленная в сюжете, не должна быть слишком экстравагантной, характерной лишь для одного философа или даже для отдельной школы. Она должна быть более или менее инвариантной, а таковыми оказываются идеи истинно-всеобщие, связанные со всей совокупностью человеческого опыта, укорененные в человечности, а потому *носящиеся в воздухе* и разделяемые сторонниками разных школ, течений, направлений философии. Именно таковы

ключевые идеи метафизики. Они когда-то зарождаются, а затем продолжают жить, обогащаясь новым материалом и углубляя свое содержание, но остаются узнаваемыми. Каждая идея этого рода, как правило, имеет автора (нередко неизвестного), поскольку кто-то впервые точно сформулировал ее, и в то же время не имеет автора, поскольку она так или иначе существовала раньше, а, будучи выраженной точно и полно, получает широкое распространение в нескольких иных формулировках, соответствующих духу той или иной школы, что отнюдь не меняет ее сути. «Я полагает не-Я», — так И. Г. Фихте сформулировал суть стратегии Я, стремящегося познать себя. Несомненно, что до Фихте сформулированная им идея была известна человечеству, что она неоднократно высказывалась и интерпретировалась после него, но формулировка Фихте превосходит прочие краткостью и точностью.

Метафизические идеи, реализованные в литературных текстах, нередко выглядят (на первый взгляд) довольно простыми, как, к примеру, общеизвестный тезис Гегеля, согласно которому объект есть реализация понятия, или же мнение Канта о плане природы, который бессознательно реализуется в жизни общества и индивида, определяет ход истории. Они реализованы в судьбах героев «Войны и мира», которые изначально не ставят себе твердых жизненных целей, но в финале приходят к состоянию, которое представляется читателю закономерным. Николай Ростов оказывается Хозяином (с большой буквы), Наташа — Женой и Матерью. Пьер же обретает качества, которые приносят ему неизменную симпатию окружающих и превращают в центр любого сообщества, а именно признание права каждого на собственное мнение и умение видеть в человеке лучшее. Понятия реализованы, план природы выполнен.

Метафизическая идея самым существенным образом определяет читательское впечатление. При создании и восприятии произведения, в котором она присутствует, происходит нечто почти чудесное. Писатель не высказывает ее прямо, читатель ее не вербализует, не говорит себе: «А вот оно что», но ее сила ощущается. В этом случае воздействие, возможно, носит архетипический характер. Одним из оснований такой возможности является значительная продолжительность «жизни» ключевых идей метафизики, их укорененность в далеком интеллектуальном прошлом.

Весьма существенно то, что самая концепция коллективного бессознательного, разработанная К. Г. Юнгом, неразрывно связана с проблемой воздействия на человека художественного произведения. Архетипы, — пишет К. Г. Юнг, —

«проявляются в оформленном материале в качестве принципов его оформления... любая связь с архетипом “трогает”, это значит, что она действует; ведь она освобождает в нас голос более могучий, чем наш собственный... Вот в чем тайна художественного воздействия. Творческий процесс, насколько мы вообще имеем возможность за ним проследить, заключается в бессознательном оживлении архетипа и его же развитии и оформлении до завершеного произведения» [6, с. 57—59].

Четвертый тип связан с так называемым *предвосхищением* литературой философских идей: та или иная мысль впервые обнаруживается в художественных произведениях и лишь затем осмысливается и обретает точную формулировку в профессиональной философии. Едва ли термин «предвосхищение» вполне оправдан. Литература идет своим путем, а содержание художественных произведений иной раз оказывает влияние на философию. Суть дела может быть раскрыта при обращении к некоторым элементам философии экзистенциализма, например, к переходу от неподлинного бытия к экзистенции через пограничную ситуацию. Художественная литература вообще начинается с описания пограничных ситуаций в чистом виде, поскольку она начинается с эпоса. Что такое Троянская война, описанная Гомером, если не пограничная ситуация, длящаяся несколько лет? Впоследствии же литература начинает пользоваться пограничной ситуацией как художественным приемом, позволяющим раскрыть сущность героя, а иной раз дать ему возможность «переродиться».

Экзистенциализм не является разновидностью метафизики, но метафизические корни достаточно очевидны. От пребывания в границах к беспокорью и выходу за предел — так движется наличное бытие по Гегелю. От неподлинного бытия к пограничной ситуации и обретению «подлинности» — вариация экзистенциализма.

В заключение отметим, что метафизика никогда «ничего не давала» в практическом отношении, но, раз возникнув на основе потребности интеллектуального выхода за пределы опыта, она оказалась сама по себе привлекательной и ценной. Завершая обоснование недостоверности метафизики сравнительно с математикой и чистым естествознанием, И. Кант делает неожиданное заключение: «Но чтобы дух человека когда-нибудь совершенно отказался от метафизических исследований — это так же невероятно, как и то, чтобы мы когда-нибудь совсем перестали дышать из опасения вды-

хать нечистый воздух. Всегда, более того, у каждого человека, в особенности у мыслящего, будет метафизика, и при отсутствии общего мерил, у каждого на свой лад» [3, с. 192].

Можно констатировать, что со времен Канта и до наших дней метафизические исследования продолжаются. Общего мерил нет до сих пор, но в то же время нельзя сказать, что каждый вариант метафизики выглядит совсем уж «на свой лад». Каждая философская система действительно имеет некоторый исходный пункт, отличающий ее от других. К тому или иному исходному пункту примыкают идеи, характерные именно для этой, особой философской школы, не разделяемые или активно критикуемые другими школами. Но имеется и общая инвариантная проблематика, присущая философии как целому, имеется инвариантное содержание — то есть некий круг идей, разделяемых подавляющим большинством философских направлений, даже школами-антагонистами, а значит, и проверенных самым разнообразным материалом.

Потребность человека в «выходе за предел, в приобщении к бытию не стоит считать надуманной. В какой-то мере ее испытывает почти каждый. Существование, неизменно ограниченное пределами непосредственного опыта, рано или поздно разочаровывает. Человек поднимается утром в определенный час, машинально проделывает нужные манипуляции. Затем отправляется на работу, выполняет предписанные ему служебные обязанности. Потом в магазин, домой, где ждут домашние дела. Обращение к телевизору или компьютеру, более или менее увлекательное, а назавтра — все снова... Можно нарисовать аналогичную картину и иначе, как движение от одной цели к другой: школа, вуз, движение по служебной лестнице и др. Но ведь именно так мы обычно и живем... Едва ли стоит переоценивать противоположный вариант жизнь, *отданную* высоким целям, посвященную классу, народу, человечеству, поскольку тот, кто сделал предметом своих забот человечество, зачастую с великолепным спокойствием игнорирует отдельных людей».

Метафизика расширяет наш горизонт. Обращение к ее специальной форме — философским трактатам — не исчерпывает возможных путей приобщения к бытию. Литература может дать читателю *переживание* бытия, живое *впечатление* приобщения к нему, дать возможность прочувствовать метафизическую идею. Благодаря литературе метафизика в ее человечности становится достоянием широкого круга читателей.

Список литературы

1. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1972. — 470 с.
2. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика // Г. Гегель. Сочинения в 14 т. Т. 1. — М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. — 367 с.
3. Кант, И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Т. 4. Ч. 1. — М. : Мысль, 1965. — С. 67—310.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М. : Изд-во АСТ, 2020. — 256 с.
5. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы «Круглого стола») / В. А. Лекторский, Н. С. Автономова, А. Л. Никифоров [и др.] // Вопросы философии. — 2009. — № 9. — С. 56—96.
6. Юнг, К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. — М. : Прогресс, Универс, 1996. — 336 с.

Сведения об авторах

Федяев Дмитрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия. *fedyaev@omgpu.ru*

Федяева Наталья Дмитриевна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и лингводидактики Омского государственного педагогического университета, Омск, Россия. *ndfed@yandex.ru*

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 8 (454).

Philosophy Sciences. Iss. 61. Pp. 16—21.

On the humanity of metaphysics

D.M. Fedyaev

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. fedyaev@omgpu.ru.

N.D. Fedyaeva

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia. ndfed@yandex.ru.

It is argued that metaphysics has a rich anthropological content. This is evidenced by the presence of ideas of a metaphysical nature in fiction. As a rule, they are not expressed explicitly, but are present in the filmed form in the plots and physiognomies of the characters. They largely determine the reader's impression of the works. It is possible that the impact of metaphysical ideas is archetypal in nature. Some types of philosophicness presented in fiction are highlighted.

Keywords: *man, the world, metaphysics, fiction, reader, surprise, archetype, content and form.*

References

1. Bahtin M. *Problemy pojetiki Dostoevskogo* [Problems of the soul of our time]. Moscow, Hudozhestvennaja literature, 1972. 470 p. (In Russ.).
2. Gegel' G. Jenciklopedija filosofskih nauk. Chast' pervaja. Logika [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Part one. Logic]. *Sochinenija: v 14 t.* [Works: in 14 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929. 367 p. (In Russ.).
3. Kant I. Prolegomeny ko vsjakoj budushhej metafizike, mogushhej pojavit'sja kak nauka [Prolegomena to any future metaphysics that may appear as a science]. *Sochinenija: v 6 t. T. 1. Ch. 1* [Works: in 6 vols. Vol. 4. Part 1]. Moscow, Mysl', 1965. Pp. 67—310. (In Russ.).
4. Ortega-i-Gasset H. *Vosstanie mass* [The uprising of the masses]. Moscow, AST, 2020. 256 p. (In Russ.).
5. Lektorskiy V. A., Avtonomova N. S., Nikiforov A. L. [i dr.] *Filosofiya i literatura: problemy vzaimnykh otnoshenii (materialy «Kruglogo stola»)* [Philosophy and Literature: Problems of Mutual Relations (Materials of the "Round Table")]. *Voprosy filosofii* [Philosophy questions], 2009, no. 9, pp. 56—96. (In Russ.).
6. Jung K.G. *Problemy dushi nashego vremeni* [Problems of the soul of our time]. Moscow, Progress, Univers, 1996. 336 p. (In Russ.).